

СОДЕРЖАНИЕ / TABLE OF CONTENTS

Тема номера / Topic of the Issue

Светлана Витальевна ЛАВРОВА / Svetlana LAVROVA
| Энтропия беззвучия и гармония шума в творческой концепции Питера Аблингера / The Entropy of Absence and Harmony of Noise in Peter Ablinger's Creative Concept |.....5

Леонид Александрович МЕНЬШИКОВ / Leonid MENSHIKOV
| Рождение ивента из духа антимузыки / The Birth of Event from the Spirit of Anti-Music |.....16

Валерий Дмитриевич ДИДЕНКО / Valery DIDENKO |
Виталий Валерьевич КАЛИЦКИЙ / Vitaly KALITZKY
| Деконструкция идеи абсолютной музыки / The Deconstruction of the Idea of Absolute Music |.....28

Елена Эдуардовна ДРОБЫШЕВА / Elena DROBYSHEVA
| Музыка в кармане: приватизация искусства как тренд современности / Music in the Pocket: Privatization of Arts as a Trends of Contemporaneity |.....38

Анна Амраховна АМРАХОВА / Anna AMRAKHOVA
| Как возможна музыкальная форма «без музыки»? / How is the Musical Form without Music Possible? |.....45

Татьяна Владимировна ЦАРЕГРАДСКАЯ / Tatiana TSAREGRADSKAYA
| Тристан Мюраи. «Озеро» (Le Lac) для ансамбля (2001): аналитический этюд / Tristan Murail. "Le Lake" (Le Lac) for the Ensemble (2001): Analytical Study |.....52

Галина Константиновна ЖУКОВА / Galina ZHUKOVA
| Веселая наука vs. злая мудрость: о человеческом измерении музыкального пространства / Funny Science vs Awesome Wisdom: About the Human Measurement Of Musical Space |.....65

Анна Викторовна СТОЯНОВА / Anna STOYANOVA
| Вне-временная и внутри-временная структуры Analogique B (из микстовой композиции Я.Ксенакиса Analogique A&B) / Outside-Time Structure and Inside-Time Structure of Analogique B (From the Mixed Composition Analogique A & B by I. Xenakis) |.....73

Владислав Олегович Петров / Vladislav PETROV
| Звуковое и театральное начало в инструментальных перформансах Виктора Екимовского / Sound and Theatrical Beginning in the Instrumental Performances of Victor Ekimovsky |.....92

Олег Михайлович ГУДАЧЕВ / Oleg GUDACHEV
| Концепция пространственной музыки: от зарождения до середины XX века / History of the Formation of Spatial Music: from the Beginning to the middle of the XX century |.....105

Яна Александровна ПАРХОМЕНКО / Iana PARKHOMENKO
| Анатолий Юрьевич ЛУГОВЦЕВ / Anatoliy LUGOVITSEV
| Звуковой аспект дизайна фантастических объектов в произведениях конвергентной 3D-анимации, кино и интерактивных средах / The Sonic Aspect of the Design of Fiction Objects in Convergent 3D Animation, Films and Interactive Environments |.....118

Теория искусства / Theory of Art

Диана Сергеевна БЕРЕСТОВСКАЯ / Diana BERESTOVSKAYA
| Интертекстуальность как принцип формирования художественно-образной системы Серебряного века русской культуры / Intertextuality as the Principle of Formation of the Figurative Art System of the Silver Age in Russian Culture |.....132

Андрей Юрьевич ЧУКУРОВ / Andrey CHUKUROV
| Диссоциативное расстройство идентичности в культурологическом дискурсе и особенности его репрезентации в художественной культуре / Dissociative Identity Disorder (D.I.D) as Cultural and Artistic Phenomenon |.....141

Теория медиа / Theory of Media

Константин Алексеевич ОЧЕРЕТЯНЫЙ / Konstantin OCHERETYANY
| Слова-вампиры, образы-энергемы и софийное тело: понимание медиа в русской философии / Vampire Words, Energy Images and the Sophia Body: Media Understanding in Russian Philosophy |.....151



ЗВУК В КУЛЬТУРЕ. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ SOUND STUDIES / SOUND IN CULTURE: NEW APPROACHES TO SOUND STUDIES

Константин Алексеевич ОЧЕРЕТЯНЫЙ / Konstantin OCHERETYANY

| Слова-вампиры, образы-энергемы и софийное тело: понимание медиа в русской философии / Vampire Words, Energy Images and the Sophia Body: Media Understanding in Russian Philosophy |

Константин Алексеевич ОЧЕРЕТЯНЫЙ / Konstantin OCHERETYANY

*Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
Центр медиафилософии, Ученый секретарь, кандидат философских наук*

*St. Petersburg State University, Russia
Centre for Mediaphilosophy, Scientific Secretary, Ph.D. in Philosophy
okostya1988@yandex.ru*

СЛОВА-ВАМПИРЫ, ОБРАЗЫ-ЭНЕРГЕМЫ И СОФИЙНОЕ ТЕЛО: ПОНИМАНИЕ МЕДИА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ*

Русская философская мысль в силу родственности восточнохристианской традиции близка античному и средневековому пониманию действительности как разума, символически открытого человеку и ожидающего от человека его принятия через душевнотелесное преобразование. Поскольку медиа представляет собой актуальный формат созерцания, понимания и переживания, в статье предпринимается попытка применить к аналитике медиареальности концепты, сформировавшиеся в традиции русской религиозной философии, для которой познание – мистический факт и, по замечанию, С. Л. Франка, означает, прежде всего, приобщение к чему-либо посредством сопереживания.

Ключевые слова: слова-вампиры, образ, энергема, софийность, телесность, медиареальность.

VAMPIRE WORDS, ENERGY IMAGES AND THE SOPHIA BODY: MEDIA UNDER- STANDING IN RUSSIAN PHILOSOPHY

Russian philosophical thought, by virtue of the closeness to the Eastern Christian tradition, is also bind with the ancient and medieval understanding of reality as a reason symbolically open to man and awaiting acceptance from man through the soul-body transformation. Since the media is an actual format for contemplation, comprehension and experience, the article attempts to apply to the media-reality analytic the concepts that was formed in the tradition of Russian religious philosophy, for which cognition is a mystical fact.

Key words: vampire-words, image, energy, sophia, corporeality, media reality.

** Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ 17-03-50159 а(ф) «Концептуальный язык русской философии как инструмент исследования медиареальности»*

В диалоге «Пир» Платон описывает философию одновременно и как искусство восхождения к мудрости и как путь к очищению души. Аристотель дает свою интерпретацию этого движения и акцентирует его космиче-

скую размерность. Упорядочивая в текстах «Метафизики» и в трактате «О душе» иерархию существей: неживые тела, растения, животные, умные существности – он определяет ее как движение от возможности к действительности, и тем самым пока-



ЗВУК В КУЛЬТУРЕ. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ SOUND STUDIES / SOUND IN CULTURE: NEW APPROACHES TO SOUND STUDIES

Константин Алексеевич ОЧЕРЕТЯНЫЙ / Konstantin OCHERETYANY

| Слова-вампиры, образы-энергемы и софийное тело: понимание медиа в русской философии / Vampire Words, Energy Images and the Sophia Body: Media Understanding in Russian Philosophy |

зывает, что вся природа причастна философии, поскольку в своем движении-развитии очищается и определяется: становится собой. Позднеантичный синтез Платона и Аристотеля закладывает фундамент западно-европейской онтологии, определяя природу как высшую смысловую оформленность, как возвращение к онтологическому истоку – к Уму и Благу. Вся природа восходит (или возвращается) к уму, а вне этой умной действительности словно и вообще ничего нет, ведь то, что будто бы есть нельзя признать чем-то действительно-определенным, если оно сошло с траектории ума – отклонилось от своей смысловой программы. В рецепции христианских авторов восхождение к умной действительности разворачивается в координатах истории как процесс восстановления и преобразования природы, искаженной грехом и теперь преодолевающей онтологическую ущербность. На пути восхождения природа видимая должна стать ключом к природе невидимой, поэтому опознается как символический универсум, как язык обращенный к человеку.

Человек разорвал связь между миром и богом, но случилось это лишь поскольку в человеке как существе объединяющем телесное и бестелесное, физическое и метафизическое возможен диалог Творца и творения. Диалог возобновляется в полную силу и достигает своей высшей ясности в теле Христа, поскольку здесь божественная природа уравнивается с человеческой природой. Тело Христа – первая икона, образ-энергема, явленность сущности со стороны нее самой. Однако, и все факты природы, все события истории, поскольку они обладают телесным бытием представляют собой символ или икону – выражение принципиально невидимого в видимых образах. Поэтому весь мир для средневекового мироощущения представляет собой школу: со своей азбукой и правилами поведения, со своим расписанием и предметами, со своими задачами и итоговым экзаменом – Судом. Вся действительность здесь – это открытость Бога

в мир, диалог Творца и творения, а открытие слова Творца, возможно, через очищение образа и восстановление подобия. Отсюда принципиальное значение веры в средневековой теологии, верности – в устройении космической и общественной иерархии, доверия – в христианской мифологии – легендах, сказаниях, песнях. Во всем на первое место выходит «верное» как «правильное», как соответствие данного с должным, как подражание истинному образу: живая действительность, устроенная божественным искусством все еще отражена в вещах, развернута как система символов, как азбука спасения, как иконостас. Целостное единство средневекового мира предстает как связь символов-энергем, выражающих божественный ум, а приближение к уму (познание) здесь – созерцание, высшая форма практики, или умное делание.

Для античности и средних веков ум – это и есть сама действительность, а человек ей (ему) причастен лишь в зависимости от собственного преобразования и вставания в порядок вещей, для Нового времени мысль, напротив, как бы изначальное достояние субъекта, и не он (субъект) должен утвердиться в действительности, а действительность в нем, через него. Утверждается она в операциях синтеза и анализа, т.е. в соотношении средств и целей, расчета возможного результата, экономизации ресурса, эргономизации пространства и времени, увеличении уровня предсказуемости – т.е. в технизации действительности. То, что есть как разумно устроенное и согласное правилу теперь определяется в меру своего соответствия последовательно выполняемой программе, тщательному функционированию, техническому порядку. Природа более не представляется как мысль развернутая в образах и символах, как иконическая действительность с которой соизмеряет себя человек. Язык природы становится непонятен, он умолкает и сама природа воспринимается как нечто лишённое образности: скорее как ресурс, который можно формировать по своему усмотрению. Таким



ЗВУК В КУЛЬТУРЕ. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ SOUND STUDIES / SOUND IN CULTURE: NEW APPROACHES TO SOUND STUDIES

Константин Алексеевич ОЧЕРЕТЯНЫЙ / Konstantin OCHERETYANY

| Слова-вампиры, образы-энергемы и софийное тело: понимание медиа в русской философии / Vampire Words, Energy Images and the Sophia Body: Media Understanding in Russian Philosophy |

формированием или переводом с языка природы на язык человека, по видимости, занимается техника, но фактически (и это осознается в самом скором времени) остается только один язык – язык техники. И не только природа, но уже и история говорит на этом языке.

Данную переменную акцентирует Гегель, выделяя различия в понимании истории, характерные для ключевых эпох европейского человечества. Древняя история в большей мере рассказ свидетеля о значимых событиях. Древние историки сжиты с излагаемым предметом, не отличают себя от него и не выходят за его пределы. Они сами непременно должны быть значимыми участниками великих событий: полководцами и политиками. В средние века история понимается уже не как рассказ о событиях случившихся с кем-то, в какой-то год, в каком-то регионе, но главным образом как всеобщее движение духа, которое каждый должен пережить как свою судьбу. История здесь откровение: значимо не лишнее рефлексии вживание в предмет, но введение его в духовное измерение, т.е. развернутое толкование предмета осуществляемое как выход за его эмпирические пределы ради достижения бытийного истока. Фактическое становится символическим и выражает не только себя, но и то, что прямому выражению не дается. Что касается нового времени, то Гегель отмечает, что события современности во-первых подаются в субъективном измерении как представления, во-вторых уже определены интерпретацией – включены в некое повествование, в-третьих источником этой интерпретации вполне может быть технический отчужденный разум. Гегель умер незадолго до появления первых фотографий, определивших способ вовлечения в событие, но испытывал интерес к формату газеты как технологическому продукту эпохи, как инструменту трансляции знания о событии, как способу производства повествования. Именно в этом состоит смысл известного гегелевского афоризма, сопоставляющего чтение газеты с

чтением молитвы: оба действия являют собой способ причастия к действительности. В эпоху античности и средних веков рассказчик был причастен событиям, их живому смыслу, и потому был способен вовлекать в их действительность других, через повествование. В новое время, наоборот, сами события обретают жизненность и смысл, т.е. действительность только в повествовании, сбываются как сообщение, опосредованное технологически. Мир из символического универсума образов-энергем, образов являющих сущность со стороны нее самой, превращается в мир технических шрифтов, где сущность опосредуется языком технологий, получает его «прибавочную стоимость».

Любопытная параллель гегелевскому сопоставлению газеты и молитвы обнаруживается в аналитике печати как формы медиа у русского философа Н. Ф. Федорова. Для Федорова печать – это особенное письмо в котором наиболее полно выразился дух нового времени со всеми его атрибутами: ускорением, упрощением и единообразием. Подобно деятельности по возведению храмов и созданию икон, традиционные практики письма исполнялись как священнодействие, как молитва. Готические и уставные буквы выводились неспешно, неторопливо: они не теснили, не давили и не сливались одна с другой. В порядке символов отчетливое отражение находил сам порядок действительности – буква как бы стремилась стать образом-иконой, выражением невыразимого, сам же образ поскольку еще не имел строгой отделенности от буквы, от слова, стремился заговорить. «Те тексты, которыми сопровождаются клейма в житийных иконах, – это не тексты, механически взятые из тех или иных житий, а особым образом препарированные, обработанные. Житийные выдержки на иконе должны были восприниматься зрителем в иных условиях, чем читателями рукописей. Поэтому эти тексты сокращены или незакончены, они лаконичны, в них преобладают короткие фразы, в них порой исчезает «украшенность», ненужная в



Константин Алексеевич ОЧЕРЕТЯНЫЙ / Konstantin OCHERETYANY

| Слова-вампиры, образы-энергемы и софийное тело: понимание медиа в русской философии / Vampire Words, Energy Images and the Sophia Body: Media Understanding in Russian Philosophy |

соседстве с красочным языком живописи. Многозначительна даже такая деталь: прошедшее время в этих надписях часто переправляется на настоящее. Надпись поясняет не прошлое, а настоящее – то, что воспроизведено на клейме иконы, а не то, что было когда-то. Икона изображает не случившееся, а происходящее сейчас на изображении; она утверждает существующее, то, что молящийся видит перед собой. «Заговорить» стремятся не только житийные клейма, но и изображения святых в средниках икон и на стенах храмов. Изображения святых обращаются к молящимся, показывая им раскрытые книги, развернутые свитки. [...] Изображение Христа в деисусе неотделимо от слов: изображение и слово тесно связаны. [...] Слово в изображении как бы останавливает время. Его помещают в гербах в качестве девиза – как вечное напоминание о неизменяющейся сущности символизируемого объекта. Оно помещается в иконах для выражения сущности изображаемого – при этом сущности не меняющейся. [...] По своей природе произнесенное или прочитанное слово возникает и исчезает во времени. Будучи «изображенным», слово само как бы останавливается и останавливает изображение»¹.

Икона не изображает божественные энергии, а открывает их. Образ – не изображение, но реальное присутствие божественного в сотворенном. Сущность открывается в образе как энергема – высшая актуализация материи, высшая собранность (соборность) и оформленность (софийность). Вещь-субстанция, являет свою энергийную сторону в статусе высшего символа иконы, поэтому универсум Средневековья в своем бытийном символизме объединяя смысл, вещь и образ, стремятся уподобиться иконостасу, открыть в видимых явлениях, нечто принципиальное чуждое обыденному суетному взгляду – волю и могущество Твор-

ца. Икона не просто открывает божественное миру, само божественное открывается в мир как икона: вещи, лица, события, тяготеют к тому, чтобы перейти в форму ликов, которые соберут и направят взгляд, избавят его от суетности, а прежде вовлекут в преобразовательное движение тело и душу, приведут их к созерцанию могущества Творца и к соответствию с его волей. Творение восстанавливает послушания воле Творца – дает явиться его образу в священнодействиях, таинствах. Тем самым мир вбирается в икону. Домашняя жизнь как софийное хозяйствование (С. Булгаков) также отсылает к деятельности по восстановлению исходной полноты и потому не менее сложна, чем храмовая служба: не только храмовое действие является священным, но и всякое обустройство пространства и времени жизни, поскольку она несет онтологический смысл – ответственна за энергийное развертывание в иконической собранности. «Из всех таинств, священнодействий и святых струился поток благодати Божией, очищая и обожествляя здешний грешный мир»². Привычное нашему пониманию евклидово пространство характеризуемое признаками непрерывности, бесконечности и сплошной однородности дробится сознанием, ориентированным на образы-энергемы. События и предметы теперь не просто наполняют пространство, но рождают его. Реальны пространства не субстанциальные или априорно-созерцаемые, а энергийные, где события, предметы, лица - пульсирующие производные высшего начала. Слящиеся разноплановые уровни реальности – следствие силы творения, стремящейся выразить Творца. Там где энергийный ток экранирован, отражение ослаблено и замутнено, пространство как бы прерывается – приравнивается к своему отсутствию. Нахождение на этих квазитерриториях равноценно небытию. Мы до сих пор не

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы М.: Наука, 1979. С.25-27.

² Федотов Г. П. Русская религиозность. Часть I. Христианство Киевской Руси. X-XIII вв. // Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 10. М. Мартис, 2001. С. 43.



ЗВУК В КУЛЬТУРЕ. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ SOUND STUDIES / SOUND IN CULTURE: NEW APPROACHES TO SOUND STUDIES

Константин Алексеевич ОЧЕРЕТЯНЫЙ / Konstantin OCHERETYANY

| Слова-вампиры, образы-энергемы и софийное тело: понимание медиа в русской философии / Vampire Words, Energy Images and the Sophia Body: Media Understanding in Russian Philosophy |

чужды этому опыту: существуют территории обладающие большим смыслом, большей жизненностью, большей действительностью для нас, чем иные – чуждые нам пустые зоны. Пространство дома, поле, пастбище, пространство охоты, территория войны – для человека средневековья обладают иной реальностью, чем меональные зоны - леса и болота, где призраки и дикие звери, и легко самому стать призраком. В восприятии пространства доминируют нравственно-ценностные категории, а любое путешествие есть скитания души, мытарства. Восприятие времени, в значительной степени также выражается пространственным образом: как есть более устойчивые пространства (архетипы дома, дворца, горы, храма), так существуют и более устойчивые времена, пределом устойчивости является первое время – то правремя, археремя, вечность, слепком с которого являются все остальные времена. Каждый момент времени таким образом является более отчетливой или более блеклой копией протовремени («вечности») – отсюда неоднородность времени, его ритмичность, иными словами первенство качественной характеристики времени. Даже количество прожитых лет первых людей в библейской хронологии фиксируют скорее качественную определенность. Большое количество лет жизни, царей и героев, свидетельствует о событийном изобилии, о доброкачественной насыщенности этого времени. Символично-энергетическое пространство-время является сложным и сложенным, его плотность, вещественность здесь как бы зависит от числа эмоциональных, аффективных и смысловых слоев, а потому может быть понято как имеющее лоскутный характер.

Русская философская мысль исторически родственная и метафизически созвучная восточно-христианскому наследию понимает разум в позднеантичном и средневековом смысле как саму действительность, как символично-энергетический порядок пространства-времени. В этой философской ориентации действительность не утверждается субъек-

том, она просто есть и скорее субъект должен увидеть себя в этой исходной и высшей простоте действительности, обнаружить себя в ней. Он не является автономным субъектом, утверждающим, посредством техники свою волю, а сам отчужден от техники, как своей высшей действительности если, конечно, под «техникой» понимают устройство вещей, их софийную явленность, т.е. выражение онтологического порядка. В поздних критических рецепциях европейской романтической традиции, перешедшей в экономико-политическую и социокультурную критику техническая действительность начинает рассматриваться в терминах отчуждения как внешняя нечеловекообразная действительность. Русская философия следует этому пониманию «технического отчуждения», акцентируя внимание на том, что не техника отчуждает человека от природы и общества, но сам человек оказывается чужим технике, когда понимает ее только как инструмент, а не как среду. Человек отчужден от порядка действительности, если не прошел длительного пути душевнотелесного преобразования, упорядочения себя, согласно ее смысловому устройству (онто-логике). Вхождение в ее смысловое устройство осуществляется путем труда как душевнотелесного художества – упорядочивания пространства и времени, перевода фактического в символично-энергетическую размерность. Труд выведения образов и букв принадлежал художественной работе одновременно в эстетическом, этическом и онтологическом смысле, исполнялся в эсхатологической перспективе и в наибольшей степени отвечал такому переводу. Уставные и готические буквы создавались с глубоким благоговением, с любовью, с наслаждением, поскольку не просто выводились человеком, но человек вводил себя через них в действительность, сопротивлялся бытийной ущербности (греху), стремились к восстановлению природной полноты на сверхприродных началах, приближался к Богу. Техника здесь была проводником божественной мудрости и заботы,



ЗВУК В КУЛЬТУРЕ. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ SOUND STUDIES / SOUND IN CULTURE: NEW APPROACHES TO SOUND STUDIES

Константин Алексеевич ОЧЕРЕТЯНЫЙ / Konstantin OCHERETYANY

| Слова-вампиры, образы-энергемы и софийное тело: понимание медиа в русской философии / Vampire Words, Energy Images and the Sophia Body: Media Understanding in Russian Philosophy |

искусством освобождения действительности из под власти ложного-несущего (меонального).

В Новое время техника получает автономию: она больше не выражает высшую действительность как божественное устройство вещей или как духовное искусство, теперь у нее своя действительность, более того, теперь именно она получая верификационное право и организационную силу становится способной определять нечто в его действительности. Если для античности автономная техника или автоматика, скорее казус, поскольку αὐτόματων в традиции от Аристотеля до Климента Александрийского определяется как «самопроизвольность», «стремление, осуществляемое в силу самого только себя» оказывается равнозначно удалению от Ума, сошествию с траектории Ума, и тем самым выходом из действительности в небытие, то для Нового времени автоматизм техники – не отданность случаю, а, наоборот, приручение случая, всего спонтанного в природе, в т.ч. и в человеческой природе. Технические и общественные автоматы имеют целью включить человека в свою работу вплоть до тотальной реорганизации его мышления и чувственности и этой реорганизации отвечает прогрессистское автоматизированное письмо скоропись, беглопись, стенограмма, выстраивающие особую связь знаков и порождающие особые смысловые формы. В Новое время природа открывается не как порядок внимания и заботы, а как безликий ресурс открытый случаю и потому требующий приручения, максимально эффективного использования при минимуме затрат – задача, которую лучше осуществляет техника. Как новый качественный критерий эффективное использование прилагается и к языку, к письменной речи, которая стремится перейти в формат краткого сообщения. Письмо как форма выражения нового технизированного и автоматизированного мира тяготеет не просто к ускорению своего производства и, как следствие, к упрощению, но и к сокращению используемых знаков – к

аббревиатурной иероглифике, оборачивающейся смысловой имплозией и мистификации реальности.

С. Н. Булгаков, полагает, что слова-аббревиатуры, являются осколками цельных слов, более того осколками второго порядка, поскольку и сами первые слова были не столько словами в современном смысле, сколько образами: адамический язык – это язык напрямую усматривающий сущность живого и только потому называющий это живое, т.е. доводящий усмотрение живого до последней явленности в слове с целью выражения сущности. Слово, лишённое иконического статуса, уже не имеет силы явить сущность со стороны нее самой, перестает быть энергемой. Слово же лишённое не только субстанциального качества, но и необходимого количества, слово сокращенное до буквы, слова сокращенные до аббревиатуры, сжимают смысл, выдыхаются и переходят в свою противоположность: из слов, несущих живой смысл они превращаются в слова-вампиры, слова, боящиеся образа, избегающие его, а потому разбивающие (как зеркало) эмоционально-аффективно-смысловую связь в образе-энергеме, превращая ее в информационное сообщение. «Языки суть как бы различные, определенным образом настроенные резонаторы, которые вибрируют на данные волны, причем, конечно, различна их специальная настроенность, но, вместе с ней, различно резонируют и все остальные звуки. Можно и должно говорить об эквивалентности языков в том смысле, что каждый из них по-своему служит своей цели – быть логосом космоса и мышления, но вместе с тем надо иметь в виду и это различие. Определить, уловить это различие – трудность невероятная; мы сейчас не умеем даже к этому подойти, однако непосредственное чувство свидетельствует, что это различие есть, и радуга языков, представляющая собой разложение белого луча, естественного языка, подлинного языка мира, для каждого языка имеет в своем спектре луч определенной окраски и значения. Все языки естественны, связаны с языком ве-



ЗВУК В КУЛЬТУРЕ. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ SOUND STUDIES / SOUND IN CULTURE: NEW APPROACHES TO SOUND STUDIES

Константин Алексеевич ОЧЕРЕТЯНЫЙ / Konstantin OCHERETYANY

| Слова-вампиры, образы-энергемы и софийное тело: понимание медиа в русской философии / Vampire Words, Energy Images and the Sophia Body: Media Understanding in Russian Philosophy |

щей, но каждый по-своему и в разном»³. Язык, перешедший в формат автоматизированного и машинизированного письма как бы сворачивает прежнюю реальность где вещи были путеводителями к своему онтологическому истоку, образами-энергемами, и открывает новую – техническую реальность со своим способом кодификации вещей, смыслов, лиц, которые, в свою очередь, отсылают не к онтологическому истоку, а к функциям и эффектам.

Функциональная идеограмматика медиа, где слово и действие стремятся к сближению, заново высвечивает потускневший «художественный» смысл техники и объединяет два понимания языка – символично-смысловое в котором вещи, являются ликами-образами того, что не поддается прямому выражению и информационно-технического, оперирующего с обезличенными формулами и облекающего событие в экономичную упаковку сообщения. Если в технологиях, выражающих сознание Нового времени, прогноз тяготеет стать универсальной программой, а прогнозируемый факт - программируемым событием, то в новейших медиа нам дают событие вместе с со способами его переживания. В этом смысле понимание медиа близко понимаю ума как действительности, характерного для античного и средневекового сознания, для мироощущения, выраженного русской философией. Медиа невозможно понять, как технически-отчужденный разум, но только как особую символическую действительность. Слова, боящиеся образа, здесь снова тяготеют стать словами-образами, словами, в которых мир становится видимым; а причастность видению получает действительность по мере душевнотелесного преобразования. У Платона есть замечания о том, что предсказать сознательное поведение человека можно через анализ его снов и через наблюдение за ним, когда

он пьяный. Нужно запрограммировать поведение - напоить человека, чтобы узнать какой из него выйдет, например, политик. Т.е. введение в измененные состояния сознания необходимы в том числе, чтобы выявить поведенческие константы, оценить отдельного человека с точки зрения пользы для общества, его возможной роли в нем. Также и медиа рационализируют нас через латентное программирование и непрямую дрессировку - дают не событие как факт, не смысл как абстрактное понятие, но способ переживания и интерпретации. Находясь на территории медиа и путешествуя по сгенерированным для нас смысловым мирам, мы выступаем как бы колонистами этих возможных миров, инвестируем в них свою жизнь, принимаем тело, где должна сойтись и получить полную проявленность (подобную той – «софийной», о которой говорит русская философия) высшая онтологическая сила этой реальности.

Мир, ставший продолжением кожи, т.е. более действительным, более живым, это мир, привлечший большее количество смысловых, эмоциональных, или даже до- и внепонятийных инвестиций. Мир классической рациональности, выраженной в языке техники оказался хронически открыт и в пространственном и временном смысле, но открытость эта с появлением массовых аудиовизуальных медиа больше не дистанция отчуждения, а условие принятия мира в моменте настоящего. Медиа дают человеку новое тело и возвращают ему способность понимать ситуацию изнутри, познание здесь – это и переживание и проживание, телесное укоренение в действительности. Инструмент познания (средство) здесь сама смысловая среда (действительность), а степень понимания зависит не от отстранения, а от живого проникновения в эту среду в актах заинтересованной интеракции и коммуникации. Познание как высшая форма практики – сообщения с миром, снова приобретает формат заинтересованной интеракции тяготеет к игре, и потому дополнительное значение приобре-

157

³ Булгаков С. Н. Философия имени // Булгаков С. Н. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.-СПб: Искусство, Инапресс 1999. С. 37.



**ЗВУК В КУЛЬТУРЕ. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ SOUND STUDIES / SOUND IN CULTURE:
NEW APPROACHES TO SOUND STUDIES**

Константин Алексеевич ОЧЕРЕТЯНЫЙ / Konstantin OCHERETYANY

| Слова-вампиры, образы-энергемы и софийное тело: понимание медиа в русской философии / Vampire Words, Energy Images and the Sophia Body: Media Understanding in Russian Philosophy |

тает игровой интерактивно-аффективный формат медиа. Первые формы исследования мира еще не отделимы от игры, а первые формы игры представляют способ вхождения в собственное тело. Фрейд описывает ребенка, играющего с катушкой как первую инстанцию символической кодификации мира. Посредством игровой интеракции ребенок интерпретирует многообразие импульсов в чувственном и смысловом спектре, определяет себя как телесное существо в отношении к тому, что увеличивает или ограничивает возможности его тела, переводит поток голосов, подвижные границы предметов, колеблющиеся контуры лиц в единый структурированный универсум. Мир рождается в игре и поддерживается игровой интеракцией: поэтому в древних мифологиях тела богов, тела героев, это тела игроков, тех, кто организует мир как игру, или рискует бросить вызов миру, открывая его тайны и переворачивая его порядок. Сама плоть богов-героев наделена иной онтологией,

высшей степенью действительности и такое преобразование плоти как способ вхождения в высшие миры характерно и для средневековой логики и для теоретических изысканий Возрождения, и во многом для исследовательских установок Нового времени, где ученый для того, чтобы открыть тайну природы, должен использовать как продолжения собственного тела приборы и аппараты, фиксирующие импульсы реальности. Медиа, ставшие новым телом человека, несомненно требуют адекватного понимания, но еще более значимо то, что адекватного понимания, требует само понимание медиа и возможно именно русская философия своими понятиями софийности, соборности, образа, имени, энергичности, унаследованными из концептуального языка античной философии и получившие новую смысловую направленность обладают адекватным ресурсом для описания медиа-реальности как реальности символически выражающей свое собственное устройство.

